

П. Г. Васенко

**Бояре Романовы и воцарение Михаила
Феодоровича**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П. Г. Васенко**
Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича / П. Г. Васенко – М.: Книга по Требованию, 2014. – 281 с.

ISBN 978-5-517-82698-5

К 300-летию Дома Романовых. Текст и редакция - магистра русской истории П. Г. Васенко, заставки, концовки, заглавные буквы - академика Л. Е. Дмитриева-Кавказского, гелиогравиюра - Р. Голике и А. Вильборга, клише - цинкографии "Унион". Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1913 года.

ISBN 978-5-517-82698-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

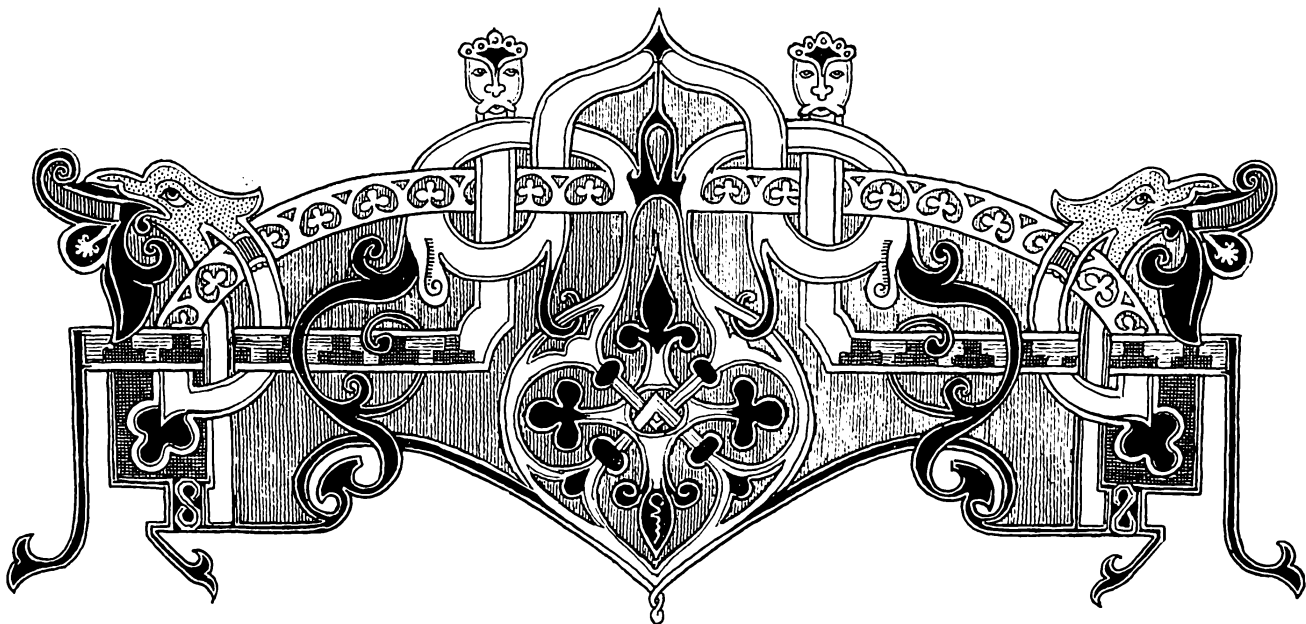
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

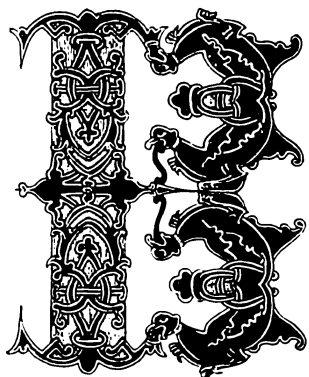

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предки царицы Анастасіи—вѣрные слуги и помощники Московскихъ князей, собирателей Руси.

I.

ВЪ ЛѢТО 6855... князь великій Семень Ивановичь, внукъ Даниловъ, женился втретьи; взялъ за себя княжну Марью, дщерь великаго князя Александра Михайловича Тверскаго; а ѣздилъ по неѣ во Тверь *Адрѣй Кобыла* да Алексѣй Босоволковъ» ¹⁾.

Этимъ извѣстіемъ, отнесеннымъ лѣтописью къ 1347 году ²⁾, исчерпываются всѣ наши достовѣрныя свѣдѣнія о родоначальникѣ знаменитаго боярскаго рода, одному изъ представителей котораго волею судебъ предназначено было «воспріять» въ 1613 году «государства Московскаго царствія», создавшагося благодаря усиліямъ князей собирателей и ихъ вѣрныхъ слугъ и помощниковъ, исконныхъ Московскихъ бояръ, причемъ предки царя Михаила по праву занимали среди этихъ бояръ одно изъ виднѣйшихъ мѣстъ. Однако знатность многочисленнаго потомства Андрея

Кобымы издавна заставляла строить разные домыслы относительно его происхождения. Эти предположенія вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ источниками и отсутствія выработанныхъ пріемовъ для ихъ изученія и критики казались авторамъ XVIII и начала XIX вѣка неопровержимой истиной и позволяли имъ съ увѣренностью повѣствовать о высококомъ происхожденіи отъ владѣтельныхъ чужестранныхъ князей Московскаго боярина, жившаго въ XIV столѣтіи.

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи трудъ барона Кампенгаузена, чиновника русской службы, написавшаго въ началѣ XIX вѣка цѣлое изслѣдованіе подъ заглавіемъ *Genealogisch-Chronologische Geschichte des Allerdurchlauchtigsten Hauses Romanow und seines vorälterlichen Stammhauses* ³⁾). Въ введеніи мы находимъ уже нѣкоторое резюме всего изслѣдованія. Начало этого введенія гласитъ слѣдующее: «Предки рода *Романовыхъ* ⁴⁾ уже въ XIII вѣкѣ поселились въ Россіи и съ тѣхъ поръ отличались въ ней своей служебною дѣятельностью какъ въ военное, такъ и въ мирное время, занимая военныя и гражданскія важнѣйшія должности и духовныя высшія званія. Родъ этотъ, достигшій въ *Рюрико-Романовской* линіи Русскаго Царскаго Престола еще въ XVI вѣкѣ и занимающій его въ *Романово-Рюриковской* династіи, въ мужскомъ и женскомъ поколѣніяхъ съ 1613 г., т. е. въ теченіе 192 лѣтъ,—происходитъ ближайшимъ образомъ отъ *Юрьевыхъ*, составлявшихъ вѣтвь *Захарьиныхъ*. *Захарьины*, въ свою очередь, прямые потомки *Кошкиныхъ*, а *Кошкины* происходятъ отъ *Кобылиныхъ* или *Камбилиныхъ*. Отъ тѣхъ же *Кобылиныхъ* произошли весьма многія Русскія фамиліи, частью уже угасшія, частью доселѣ существующія. Родъ *Камбилиныхъ*, однако, не коренной Русскій, а *Пруско-Литовско-Самогитскій*, происходящій отъ древнихъ царей, князей, или державцевъ, прежнихъ обитателей показанныхъ выше странъ» ⁵⁾). Далѣе слѣдуетъ изложеніе содержанія всего труда, а затѣмъ первую часть своихъ изысканій Кампенгаузенъ открываетъ такими утвержденіями: «Первый водворившійся въ Россіи родоначальникъ прародительскаго рода *Романовыхъ* былъ Пруско-Самогитскій князь, или державецъ по имени *Гланда* (или *Гланда*) *Камбила Дивоновичъ*, происходившій отъ древнѣйшихъ языческихъ Пруско-Литовско-Самогитскихъ царей, князей или державцевъ. Изгнанный изъ своихъ наследственныхъ владѣній въ *Самогитіи* и *Судавіи* Нѣмецкимъ Рыцарскимъ Орденомъ, порабоцавшимъ Прускія земли, онъ въ послѣдней четверти XIII вѣка бѣжалъ вмѣстѣ съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ въ Россію. Здѣсь, въ

1287 году, онъ былъ крещенъ съ именемъ Іоанна, какъ все это будетъ подробнѣе изложено въ послѣдующей спеціальной генеалогической исторіи. Вышеупомянутый его сынъ, названный въ Россіи *Андреемъ Ивановичемъ Камбилою* (а искаженно *Кабыла* или *Кобыла*) оставилъ послѣ себя многочисленное потомство, которое по прозвищамъ его и его отца получило названіе рода *Кабылиныхъ* или *Кобылиныхъ*»⁶⁾.

Если отъ этихъ утвержденій обратиться къ доказательствамъ ихъ, помѣщеннымъ во второй части труда⁷⁾ Кампенгаузена, то мы увидимъ странное на первый взглядъ, но иногда встрѣчаемое у изслѣдователей сочетаніе критическаго чутья съ способностью строить малообоснованныя догадки и считать ихъ неопровержимыми. Кампенгаузенъ очень мѣтко критикуетъ заблужденія своихъ предшественниковъ, съ которыми намъ предстоитъ еще познакомиться, баснословащихъ о короляхъ Прутено и Войдеводѣ и т. д., но свои утвержденія о Гландаѣ Камбилѣ и его сынѣ основываетъ на довѣрїи къ изысканіямъ критикуемыхъ имъ лицъ. Онъ говоритъ: «Обнаруженное новѣйшими изслѣдованіями по симъ вопросамъ сходство показаній, которыя мы находимъ какъ во многихъ достовѣрныхъ лѣтописяхъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріалахъ и актахъ,—дозволяетъ съ увѣренностью установить, что Гланда (или Гландаѣ) Камбила Дивоновичъ былъ не только пращуромъ или основателемъ прародительскаго рода Романовыхъ, но что онъ былъ и выходцемъ изъ Самогитїи и сосѣдней съ нею Зюдъ-ауеръ-ляндіи; былъ въ этихъ странахъ державцемъ»⁸⁾. Вслѣдъ затѣмъ Кампенгаузенъ распространяется на тему о томъ, что преданію «нельзя не придавать вѣры особенно въ области генеалогическихъ данныхъ»⁹⁾, и исключительно на преданїи, не подтверждаемомъ, а скорѣе опровергаемомъ изысканіями автора, приходитъ къ вышеприведеннымъ утвержденіямъ¹⁰⁾. При этомъ ему не приходитъ въ голову провѣрить показанія «доставѣрнѣйшихъ лѣтописей» и подлинность разныхъ историческихъ и семейныхъ матеріаловъ и актовъ, а безъ такой повѣрки нельзя дѣлать и никакихъ прочно обоснованныхъ заключеній. Благодаря такимъ свойствамъ изысканій Кампенгаузена, мы не можемъ опереться на ихъ результаты относительно происхожденія Андрея Кобылы.

Минуя затѣмъ нѣсколько трудовъ XVIII вѣка, авторы которыхъ болѣе или менѣе бездоказательно рассказываютъ о предкахъ родоначальника Романовыхъ¹¹⁾, познакомимся съ любопытнымъ произведеніемъ герольд-мейстера петровскихъ временъ Ст. Андр. Колычева, который составилъ въ 1722 году записку подъ заглавіемъ: «Исторіографія, вкратцѣ собранная

изъ разныхъ хроникъ и лѣтописцевъ»¹²). Въ этой запискѣ Колычевъ повѣствуетъ о Прусскомъ королѣ Прутено, который въ 373 году по Р. Х. «для старости своей, отдалъ въ вѣчное обладательство свое королевство брату своему Вейдевуту»¹³). Одинъ изъ потомковъ сына Вейдевута, Недрона, Гландось Камбила въ 1280 году принялъ у себя на родинѣ крещеніе по католическому обряду, а «въ 1283 году помянутый Гландось Камбила Дивоновъ сынъ, изъ дому Недрона Ведевитовича, поколѣніе свое линейно производящій, самъ прииде къ Московскому великому князю Данилѣ Александровичу всеа Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую, а изъ Римской въ Греческую, что и нынѣ все творять Латынники... А что того славнаго Камбилу или Гланда Камбиліона стали нарицать Кобыма, и то мню, учинено съ недозрѣнія особы его. Въ томъ вѣку нареши иноземческихъ прозваній многіе не умѣли и съ истиною того прозванія знатно распознавать не умѣли или не хотѣли; а наипаче древніе писари Русскіе, недовольные въ граматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, недописуя вѣрно, или съ прибавкою отъ незнанія писали. Мню посему, что вмѣсто Камбилы или Камбиліона, написано просто Кабыма отъ древнихъ писцовъ, съ убавленіемъ литеры»¹⁴).

Этотъ рассказъ, да и вообще все изслѣдованіе Колычева, основанное на показаніяхъ писателей позднихъ и склонныхъ къ смѣлымъ догадкамъ, избилуетъ явнымъ баснословіемъ¹⁵). Поэтому и свѣдѣнія о Камбиліонѣ, въ немъ сообщаемыя, не внушаютъ къ себѣ довѣрія. Правда, случаи искаженія иностранныхъ названій и русификація ихъ общеизвѣстны. Вспомнимъ, хотя бы «Стекольный» вмѣсто Стокгольмъ. Но не менѣе извѣстны и обратные примѣры творчества книжниками разныхъ мионическихъ лицъ для объясненія географическихъ названій и т. д. Такъ, въ Хронографѣ редакціи 1512 года сообщается о томъ, какъ нѣкій царь «Вузъ» «сотвори Византію... и роди... дщерь и нарече Византія»¹⁶). Но книжники не удовольствовались созданіемъ «Вуза». Они стали рассказывать, что «Визъ... роди... дщерь, нарече имя ей Антія; и созда градъ... и нарече имя граду тому во имя дщере своя и въ свое, Византія»¹⁷). Мы встрѣтимся еще съ подобной книжной легендой, когда будемъ говорить о пресловутомъ Прусѣ, братѣ Римскаго Кесаря Августа. Поэтому ограничимся здѣсь указаніемъ, что слово «Кобыма» можно съ неменьшимъ правомъ счесть прозвищемъ, на какія такъ падокъ и до сихъ поръ русскій народъ. Прозвища многихъ членовъ рода Андрея Кобымы и цѣлый рядъ

русскихъ фамилій даютъ намъ яркіе примѣры этой склонности, встрѣчаемой и у другихъ національностей ¹⁸). На основаніи приведенныхъ соображеній позволительно усомниться въ существованіи Гланды Камбиліона, Дивонова сына ¹⁹).

Можетъ впрочемъ показаться, что нами не принято во вниманіе слѣдующее обстоятельство: Кольчовъ принадлежалъ къ потомству Андрея Кобымы и могъ руководиться семейными преданіями. Однако обратившись къ показаніямъ другого представителя этого же рода и притомъ жившаго въ болѣе раннее время, мы не находимъ уже имени Гланды Камбиліона. Мы разумѣемъ здѣсь начало поколѣнной росписи Шереметевыхъ, составленной бояриномъ Петромъ Васильевичемъ Большимъ Шереметевымъ и за собственоручной подписью представленной имъ 23-го мая 1686 года въ Разрядъ. Вотъ это начало: «Родъ Прусскаго княженія владѣтеля Андрея Ивановича, а прозваніе ему было Кобыла: Приѣхалъ изъ Пруссы отъ своихъ предѣловъ владѣтель Андрей Ивановичъ, а у него былъ сынъ Ѳедоръ Андреевичъ» ²⁰). Эту роспись Шереметевъ подалъ въ Разрядъ для официального пополненія и исправленія старой родословной книги. Плодомъ этого пополненія явилась знаменитая Бархатная книга ²¹). Въ интересахъ Шереметева было сообщить о своихъ предкахъ какъ можно болѣе полныя свѣдѣнія, при чемъ скорѣе можно было бы ожидать упоминанія о какомъ нибудь миѳическомъ родоначальникѣ, чѣмъ пропускъ имени дѣйствительнаго пращура ²²). Отсюда ясно, что названный бояринъ не зналъ никакого Гланды Камбилы, Дивонова сына ²³). Зато и Шереметевъ сообщаетъ о владѣтельномъ происхожденіи Кобымы и о выѣздѣ его изъ «Пруссы». Когда возникли эти преданія?

Идя въ глубь временъ, видимъ, что не только въ серединѣ XVII столѣтія, но и въ концѣ XVI вѣка были увѣрены въ истинности второго факта. Такъ въ челобитной одного изъ потомковъ Шевляги, который по родословнымъ былъ роднымъ братомъ Андрея Кобымы, поданной въ 1643 году на окольниковскаго князя Ѳ. Ѳ. Волконскаго, сказано « . . а нашъ, государь, холопей твоихъ родъ пошелъ отъ прародителя нашего отъ Ѳедора Ивановича отъ Шевляги. Какъ онъ выѣхалъ ис Прус . . . » ²⁴). Подобно этому и въ родословной конца XVI и начала XVII-го вѣка отмѣчается: «Родъ Андрея Ивановича Кобымы, выѣхалъ изъ Прусскія земли изъ Нѣмецъ...» ²⁵). Въ приведенныхъ случаяхъ не упоминается о влѣстительскомъ происхожденіи Андрея Кобымы. Однако преданіе объ этомъ существовало уже въ XVI вѣкѣ. Это видно изъ словъ Курбскаго объ Іоаннѣ IV:

«Потомъ погубилъ родъ Колычевыхъ, также мужей свѣтлыхъ и нарочитыхъ въ родѣ, единоплеменныхъ сущихъ Шереметевымъ; бо прародитель ихъ, мужъ свѣтлый и знаменитый, отъ Нѣмецкія земли выѣхалъ, ему же имя было Михаилъ, глаголютъ его быти съ роду княжатъ Решскихъ»²⁶).

Слова Курбскаго очень любопытны. Они, какъ отмѣчено выше, показываютъ, что уже въ XVI вѣкѣ преданіе о властительномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы существовало. Однако имя Михаилъ указываетъ или на болѣе отдаленнаго предка рода Романовыхъ, или на то, что преданіе о его высокомъ званіи явилось поздно и искажаетъ факты. Кромѣ того Курбскій говоритъ, что Михаилъ былъ «съ роду княжатъ Решскихъ». По справедливому объясненію Устрялова Решскій значитъ имперскій²⁷). А такъ какъ Пруссія въ XIII вѣкѣ не входила въ составъ имперскихъ земель, то и все преданіе надо относить къ позднему времени. Во всякомъ случаѣ можно думать, что мысль о властительскомъ происхожденіи Андрея Ивановича не была въ ходу въ XV вѣкѣ. По крайней мѣрѣ, мѣстничаясь въ 1500 году съ княземъ Даніиломъ Щенятемъ, бояринъ Юрій Захарычъ Кошкинъ не ссымался на свое происхожденіе отъ владѣтельнаго князя, что ему было бы очень выгодно сдѣлать²⁸). Да и о Пруссіи, отечествѣ своихъ предковъ, онъ не вспомнилъ.

Считая такимъ образомъ преданіе о властительскомъ и о иноземномъ происхожденіи боярина Андрея Кобылы возникшимъ поздно и внушающимъ большія и основательныя сомнѣнія²⁹), мы должны отвѣтить на два вопроса: 1) что было причиной возникновенія подобнаго преданія, 2) что дало поводъ вести родъ Андрея Ивановича изъ Пруссіи.

Относительно перваго вопроса отвѣтъ подсказывается хотя бы только что приведеннымъ мѣстническимъ случаемъ. Потомки удѣльныхъ и великихъ князей, ставши слугами Московскихъ государей «заѣзжали» прежнихъ бояръ, служившихъ дому Калиты. Они несомнѣнно кололи имъ глаза своимъ знатнымъ происхожденіемъ и всячески старались ихъ оттѣснить на задній планъ. Трудно было держаться старымъ слугамъ Московскаго Князя, и вотъ надо было опереться на какое-нибудь преданіе, которое могло бы возвысить ихъ въ глазахъ аристократически настроенныхъ новыхъ сотоварищей и соперниковъ и поставить нетитулованную знать на одинъ уровень съ титулованной. Воспоминанія о давней близости фамиліи къ Московскимъ князьямъ, о постоянной знатности предковъ, невольно наводили мысль на гордые преданія. Притомъ вести себя отъ туземныхъ князей не было возможности и приходилось прибѣгнуть къ предположенію

о выѣздѣ предковъ изъ чужихъ земель ³⁰); на это наталкивали дѣйствительные случаи выѣзда знатныхъ чужестранцевъ въ Москву въ XV и XVI вѣкахъ, не говоря уже о многихъ русскихъ людяхъ, явившихся изъ другихъ княжествъ и земель служить великому Князю Московскому. Поэтому легко было измыслить или добросовѣстно повѣрить въ существованіе какого-нибудь «свѣтлаго и нарочитаго» выѣзжаго предка. Въ результатѣ получилось любопытное явленіе: почти всѣ не княжескіе дворянскіе роды въ Россіи повели свое начало отъ заѣзжихъ выходцевъ ³¹). При этомъ многіе знатныя фамиліи вели себя изъ нѣмцевъ въ частности «изъ Пруссъ» ³²).

Такое предпочтеніе Пруссіи имѣло свое основаніе. Познакомимся съ нимъ. Для этого надо вспомнить, что послѣднія десятилѣтія XV вѣка были началомъ нашей политической самостоятельности и большого внѣшняго могущества. Московскій великій князь благодаря усиліямъ своихъ предковъ и своимъ собственнымъ усиліямъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ освободилъ свою страну отъ нѣкогда грознаго татарскаго ига; соединилъ въ своихъ рукахъ обладаніе почти всей сѣверовосточной Русью и къ народной радости и гордости съ большимъ основаніемъ могъ назвать себя государемъ и самодержцемъ всея Руси. Впереди открывались еще болѣе широкія перспективы: окончательное объединеніе русской земли, покореніе татарскихъ ханствъ, стремленіе къ берегамъ Балтійскаго моря, принятіе царскаго титула. Но и къ концу 1400-хъ годовъ русскій великій князь поднялся на головокружительную высоту. Паденіе Византіи дѣлало его политическимъ главою и покровителемъ православія. Естественно поэтому получила большую извѣстность и распространеніе горделивая теорія о Москвѣ—третьемъ и послѣднемъ Римѣ, выраженная въ краткой формулѣ: «два убо Рима падоша, а третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быти».

Гордыя притязанія государей и народа на міровую роль Руси, имѣвшія исторически-жизненное основаніе, хотѣлось подтвердить какими-нибудь историко-правовыми соображеніями. Бракъ московскаго великаго князя и греческой царевны Софіи Палеологъ давалъ, правда, первому извѣстное право считать себя преемникомъ Византійскихъ или Восточноримскихъ императоровъ. Но хотѣлось большаго, хотѣлось независимо отъ грековъ явиться законными наслѣдниками ихъ міроваго значенія. Тогда, какъ справедливо отмѣтилъ покойный академикъ И. Н. Ждановъ ³³), «оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отно-

шеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы». Тогда то и возникла легенда о Прусѣ, братѣ «Кесаря Августа», который «разряди всеиленную братіи своей»... При этомъ «сему Прусу тогда поручено бысть властодержество въ березехъ Вислы реки, градъ Мадборокъ и Торунъ и Хвойница и преславый Гданескъ и ныи многи грады по реку глаголемую Нѣмонъ, впадшую въ море, иже и донынѣ зовется Прусская земля. Отъ сего Пруса сѣмени бяше» «Рюрикъ и братія его; и егда еще живяху за моремъ, и тогда Варяги именовануся и изъ заморія имяху дань на Чюди и на Славенехъ и на Кривичахъ»³⁴). Не трудно понять, почему Пруссія была сочтена родиной Рюрика. Лѣтопись говорила о племени Руси, жившемъ на берегахъ Балтійскаго моря и имѣвшемъ князьями Рюрика съ братіею. Созвучіе слова Русь (Руссія) и Пруссія дѣлало для людей XV и XVI вѣка, плохихъ филологовъ, не знавшихъ, что подобная этимологія невозможна, отождествленіе ихъ вполне правильнымъ и заманчивымъ. Представленіе о древнемъ Римѣ, какъ всемірной монархіи, позволяло считать Августа властителемъ и Пруссіи, а распространенный тогда взглядъ на государство, какъ на вотчину, дробившуюся между родственниками властителя-вотчинника, наводилъ на мысль о раздѣлѣ Римской имперіи Кесаремъ Августомъ въ пользу императорской родни. О томъ, что названіе страны дало имя и мионическому родоначальнику Пруссіи, Прусу, можно было бы и не упоминать.

Легенда о Прусѣ, измышленная, по предположенію Жданова, знаменитымъ писателемъ XV вѣка, Пахоміемъ, выходцемъ изъ югославянскихъ земель³⁵), а, быть можетъ, скажемъ мы, и другимъ досужимъ книжникомъ, отвѣчала помысламъ русскихъ великихъ князей и горделивымъ чаяніямъ русскаго народа. Поэтому она пользовалась большимъ почетомъ въ нашей древней писменности³⁶) и заслужила полное признаніе и довѣріе со стороны государей и ихъ подданныхъ. Царь Иванъ вполне ей довѣрялъ, вѣрили и русскіе люди XVI—XVII вѣковъ³⁷). Какъ соблазнительно и заманчиво, какъ просто и естественно было вывести изъ Пруссіи и себя стародавнимъ слугамъ и помощникамъ московскихъ великихъ князей! Какъ легко повѣрить тому, чему хочется вѣрить!

На основаніи вышеприведенныхъ соображеній мы лично всецѣло готовы примкнуть къ мысли Н. П. Петрова о туземномъ происхожденіи Андрея Ивановича Кобылы. Но не можемъ вполне согласиться съ поч-

теннымъ авторомъ относительно его дальнѣйшихъ выводовъ. Н. П. Петрову все дѣло представляется въ такомъ видѣ. Андрей Ивановичъ Кобыла былъ внукомъ знаменитаго боярина XIII—XIV вѣковъ Іакинѳа Великаго и происходилъ изъ Новгорода, гдѣ была Прусская улица, около которой удалось обнаружить существованіе въ прежнее время Кобыльяго проѣзда и Кобыльей улицы ³⁸). Но родословныя потомковъ Іакинѳа, извѣстныхъ московскихъ бояръ Челяднинныхъ и Бутурлиныхъ, молчатъ о такомъ родствѣ, и мы ничѣмъ не можемъ провѣрить предположеній Н. П. Петрова, высказанныхъ имъ очень рѣзко и утвердительно. Затѣмъ, не отрицая возможности новгородскаго происхожденія предка династїи Романовыхъ, не можемъ не указать, что обозначеніе улицы, гдѣ жилъ въ Новгородѣ этотъ предокъ, въ качествѣ мѣстности, откуда онъ появился въ Москвѣ, было бы чрезвычайно страннымъ и необычнымъ. Мы скорѣе допустили бы, что нѣкоторое смутное семейное преданіе о Прусской улицѣ, какъ мѣстожительствѣ Андрея Кобылы, могло еще болѣе натолкнуть его отдаленныхъ потомковъ XVI вѣка на мысль о Прусской землѣ, какъ его прежнемъ отечествѣ. Во всякомъ случаѣ новгородское происхожденіе Андрея Ивановича Кобылы доказать сколько нибудь твердо нельзя. Это осталось до сихъ въ области предположеній.

Какъ на болѣе или менѣе вѣроятныя догадки мы смотримъ и на результаты интересныхъ изысканій Г. С. Ш., обнародованные имъ въ статьѣ «Князь Аѳанасій Даниловичъ, сынъ князя Данила Александровича Московскаго» ³⁹). Осторожный авторъ не высказываетъ прямо и положительно своихъ выводовъ, а дѣлаетъ рядъ сопоставленій и намековъ, предоставляя читателю самому придти къ извѣстнымъ заключеніямъ. Если попытаться создать изъ этихъ намековъ дѣльную картину, то она нарисуетъ въ такихъ, приблизительно, очертаніяхъ. Въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ жилъ знатный мужъ Иванъ (Ивонъ), котораго Г. С. Ш., повидимому, склоненъ считать выходцемъ изъ Пруссїи. Князь Дмитрій Александровичъ и Новгородцы отдали около 1265 года этому Ивану Торжокъ, Бѣжецкъ, Городецъ. У Ивана были дѣти: Андрей Кобыла и дочь Анна, жена князя Аѳанасія Даниловича, брата Калиты. Князь этотъ жилъ въ Новгородѣ и былъ тамъ любимъ народомъ. Благодаря родственнымъ связямъ съ домомъ князя Данила Московскаго Андрей Кобыла и ѣздилъ въ 1347 году посломъ за великой княгиней Марїей ⁴⁰).

Такая картина несмотря на всю ея заманчивость и остроумныя сближенія, сдѣланныя ея авторомъ, очень проблематична. Нельзя сказать,

что она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но ничѣмъ нельзя доказать и обратнаго утвержденія. Поэтому остается повторить, что объ Андрѣ Кобылѣ мы имѣемъ одно только достовѣрное извѣстіе, приведенное въ началѣ настоящей главы. Изъ этого извѣстія можно сдѣлать только одинъ совершенно прочный выводъ. Андрей Кобыла былъ близкимъ и знаменитымъ слугой-бояриномъ великаго князя Симеона Гордаго. А такъ какъ близость и довѣріе приобрѣтаются и въ особенности приобрѣтались въ тѣ времена годами долгой и вѣрной службы, то возможно съ большой увѣренностью допустить предположеніе о томъ, что Андрей Ивановичъ служилъ уже первому собирателю русской земли. Во всякомъ случаѣ съ династіей Калиты родъ Андрея Кобылы былъ связанъ еще въ стародавнія времена, когда возвышеніе Москвы было дѣломъ будущаго, а мысль о томъ, что «Богъ перемѣнитъ Орду» была смѣлой и отрадной мечтой.

II.

Изъ родословцевъ извѣстно, что «у Андрея Ивановича у Кобылы» было «5 сыновъ. 1-й Семень Жеребець; 2-й Александръ Елка, 3-й Василій Вантей бездѣтенъ, 4-й Гаврило Гавша, 5-й Ѳедоръ Кошка» ⁴¹⁾. Изъ этихъ сыновей отмѣтимъ прежде всего Александра Елку, родоначальника знаменитаго и многочисленнаго рода бояръ Колычевыхъ. Однако точныхъ свѣдѣній о дѣятельности и жизни его и его братьевъ: Семена, Василя, Гаврилы у насъ нѣтъ. За то младшій сынъ Андрея Ивановича, Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, былъ замѣтнымъ человекомъ своего времени и выдающимся бояриномъ своего государя, знаменитаго Дмитрія Донскаго. Быть можетъ, онъ былъ послухомъ при составленіи Донскимъ первой его духовной, написанной въ 1371 году, оберегалъ Москву въ 1380 году во времена Мамаева нашествія на Русь, «вытягалъ» въ пользу своего государя «Товъ и Медынь у Смольнянъ» ⁴²⁾. Нельзя, впрочемъ, утверждать положительно участія Кошки ни въ одномъ изъ названныхъ событій: у Донскаго было два боярина Ѳедора Андреевича: Свиблъ и Кошка. При способѣ нашихъ древнихъ источниковъ обозначать людей въ большинствѣ случаевъ только по имени и отчеству трудно бываетъ установить съ точностью, кого именно они разумѣютъ. Оба они подписались на второй духовной князя Дмитрія Ивановича ⁴³⁾. Во всякомъ случаѣ, можно съ увѣренностью думать, что вся жизнь боярина Кошки протекла на службѣ Московскимъ князьямъ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ